

Из-во эго-футуристовъ

К 48 $\frac{5}{21}$

„Огарованный Странникъ“

X

АЛЬМАНАХЪ ВЕСЕННИЙ.

Вып. 7.

АПОЛОГІЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

„Единственная безупречная форма лганья—это ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованія является ложь въ искусствѣ.“

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ.

ОЦК
Рут.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 17829 ✓
31 « VIII 1931

к48/21

шл. 17824. 31 ✓

вып. 7

Содержаніе альманаха.

П о э з ы:

Игорь Сѣверянинъ—
Тіана.

Александръ Толмачевъ—
Ночь въ столицѣ.

Вѣра Вертеръ—
Игорю Сѣверянину.

Алексѣй Масаиновъ—
Японія.

М. Струве—**

С т а т ь и:

Викторъ Ховинъ—
Сквозь мечту.

Павелъ Вольнинъ—
Могилomanы.

Борисъ Гусманъ—
Весеннія проталины.

Безотвѣтные вопросы.

ТІАНА.

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло.
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана.

Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлена, какъ эхо... Мадлена, какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ—
Влюбляются сердцемъ, но какъ, если—рана?..

Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ
И дѣвчихъ, и женскихъ,—все то-же; къ тому-жъ
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ—ликеръ изъ банана!..

Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить Вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпезный поэзоконцертъ:
Вѣдь прежде такъ просто—луна и поляна.

И вдругъ—Вы снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій, безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!

Игорь Сѣверянинъ.

НОЧЬ ВЪ СТОЛИЦЪ.

Сплетала длинные узоры
Луна на матовомъ окнѣ,
А ночь свободы и позора
Неслась къ кочующей лунѣ.
Рвала коготка покрывало,
Звенѣла гдѣ-то тетива.
Въ тискахъ гранитныхъ изнывала
Изнеможенная Нева.
Осмѣянная клятвой жизни,
Была давно обнажена,
Но все упорнѣй и капризнѣй
Просила гостя дать вина...
И гдѣ-то тамъ,—въ салонѣ княземъ
Съ княжной кокетничалъ баронъ.
Гордись своимъ многоэтажемъ,
Былъ городъ въ дрему погруженъ...
А у Сената всадникъ мѣдный
Хотѣлъ разрушить пьедесталъ
И ускакать въ туманъ побѣдный,
Разбивъ недопитый бокаль.
Серьезный циферблатъ вокзала
Горѣлъ отъ медленныхъ оковъ.
Адмиралтейство шпичъ вонзало
Въ густые вѣтры облаковъ.
Земля нѣмѣла и дрожала,
Казалось,—геній прилетѣлъ.
Сердца людей колело жало,
Исакій темный поблѣднѣлъ.
И понялъ все Христось покорный:
.....
.....
Онъ ждалъ чудесныхъ переменъ...
А между тѣмъ свободный Демонъ
Уже вездѣ, вездѣ царилъ,
.....
.....
Рвалось ночное покрывало,
Гремѣлъ торжественно кимвалъ.
Нева въ тискахъ торжествовала,
И Мѣдный Всадникъ ликовалъ...

Александръ Толмачевъ.

Игорю Сѣверянину.

Острѣе жалитъ осень ласкою,
Ея уста нетерпѣливы
Струятъ смолу дыханій вязкую
Надъ недопитой зноемъ нивой.
И тлѣнье астръ благоуханнѣй на
Груди, еще не сжатой въ латы,
Съ тѣхъ поръ, какъ сѣнь лѣсовъ изранена,
И окровавлены закаты.
И тучь полуночная оргія
Набатнымъ отзвукомъ воспѣта,
Пока палящій мечъ Георгія
Изъ нихъ не выжжетъ слезы лѣта.

Вѣра Вертеръ

Презрѣвши соловьевъ, пожертвовавъ сиреню,
Возненавидѣть паркъ и клейкости листковъ.
Прицѣлившись луной, избрать себѣ мишенью
Постройки утляя ненужныхъ облаковъ.
И, если мѣтокъ я, въ подобіе кареты
Осколки облаковъ упавшіе сплести,
По небу проскакать, разбрасывать планеты
И звѣздопыль клубить по млечному пути.

М. Струве.

Ни на минуту танца не останавливая,
Улыбнулись снѣжные и порозовѣли
Луною цѣлованные края кровли,
Радужные искропадами застывшей капли.
Блѣдные останки луны въ опалѣ,
И поцѣлуи забытые зачахли.
И такъ то трепетно, такъ то прытко закапали
Сіяющимъ бисеромъ срывающіяся капли.

М. Струве.

ЯПОНІЯ.

Душистымъ вечеромъ гремитъ такъ звончато
Концертъ фонариковъ въ странѣ Ниппонъ.
Ликуй, Японія! Гдѣ жизнь утончена,
Гдѣ гейши веселы, тамъ веселье звонъ.
Вся въ озареніи, цвѣтеньи сливовомъ,
Ты дышишь влагою, Восходный Свѣтъ!...
Деревья бѣлыя! Привѣтъ счастливымъ вамъ!
Деревья алыя! И вамъ привѣтъ!
Какъ ты изыскана, благоуханная,
Какъ ты плѣнительна, сердца плѣнивъ.
Клонитесь грезово головки пьяныя
Цвѣтовъ камеліи и вѣтви сливъ!
Деревья бѣлыя, деревья алыя,
Озвоньте шелестно сады утѣхъ!
Здѣсь губы женскія всегда кораловы,
Здѣсь гейши веселы и веселье грѣхъ.
Грѣши, Японія! Весной, какъ зарево,
Растутъ слѣпительно твой смѣхъ, твой звонъ.
О, какъ блистателенъ концертъ фонариковъ
На шумныхъ улицахъ въ странѣ Ниппонъ.

Алексѣй Масаиновъ.

„СКВОЗЬ МЕЧТУ“.

Вымыселъ, котораго ты такъ
опасаешься, есть душа этого
творенія, дыханіе его жизни, та
текучая теплота, которой недо-
стаетъ срѣзаннымъ листьямъ.
Поль Гогэнъ. „Ноа-Ноа“.
Путешествіе на островъ Таити.

Здравствуй, Бѣлая Ночь!...

Въ тревожные сумерки взялъ я эту книгу, книгу, рожденную очарованіемъ Обѣтованной Земли, и не успѣлъ дослушать вдохновенный шелестъ древней свирѣли, „которую маори знаютъ подъ именемъ *vivo*“, не успѣлъ дослушать тихую пѣснь взморья, которую, казалось, несло мнѣ дыханье сосноваго лѣса, какъ заворожила легендарная чаровница, лежащее тамъ, въ отдаленіи, сѣверное, мертвенно спокойное море...

И когда въ открытое окно вошла она въ своемъ холодномъ и мудромъ молчаніи, набросившая на всю природу изъ прозрачно сребристыхъ струй мантию, вдохновенно приникъ какъ грезѣ художника, — къ грезѣ Благоуханной Земли...

„И вотъ съ Таити художникъ привозитъ съ собою не листья тамарина, на которыхъ вырѣзаны красивыя слова, и не горсточку песку, и не живую женщину, и не солнце. Онъ привозитъ съ собою ту Грезу, которую пережилъ тамъ своими глазами, своимъ умомъ и сердцемъ.“

Но не лжетъ ли онъ? И кто дастъ намъ увѣренность въ томъ, что дѣйствительно существуетъ этотъ далекій островъ, на которомъ мы ни разу не бывали, эта восхитительная и обреченная земля?...

И когда одни отбросятъ твою книгу, художникъ, какъ никчемную для потребностей ихъ сегоднешняго дня, а другіе, тѣ, кого называютъ эстетиками, составители гербаріевъ и хранители желѣзныхъ сундуковъ, будутъ помнить о Благоуханной Землѣ, какъ о царствѣ лѣни и дремы, будутъ говорить о крѣпкихъ чреслахъ маорійской женщины, но пройдутъ холодные мимо того, что называешь ты „маорійскимъ очарованіемъ“, не приникнуть къ той пѣснѣ, которую поетъ дикая свирѣль *vivo*, и къ той тайнѣ, которую излучаютъ глаза златокожей женщины, хранительницы старыхъ преданій, — не удивляйся и не жди больше; — предъ тобою прошелъ современный читатель.

И когда безкрылые, опустошенные и пустые въ своемъ скептицизмѣ души пренебрегутъ твоей книгой, книгой подлиннаго вымысла и вдохновенныхъ суевѣрій, повтори слова другого суевѣрца: „кто вѣритъ какой либо системѣ, тотъ

изгналъ изъ сердца своего всеобщую любовь! гораздо сноснѣе нетерпимость чувствованій нежели разсудка: суевѣріе все лучше системовѣрія“...

Но я въ эту бѣлую холодную ночь, я повѣрилъ тебѣ, художникъ, повѣрилъ твоему видѣнію, твоему вымыслу, равному той истинѣ, которая пребываетъ только въ душахъ нашихъ... и не только одинокіе оба, сердце твое и *vivo* „вблизи и вдали поютъ свирѣльною трелью“, но и далекимъ сѣвернымъ эхомъ отвѣчаетъ вашимъ сердцамъ и вашимъ пѣснямъ мое сердце и моя пѣснь...

— Онъ былъ первымъ, кто сказалъ живите, какъ цвѣты полевые,—пишетъ Уайльдъ о Христѣ, и Онъ же признавалъ, что душа каждого должна быть, какъ дѣвочка, что рѣзвится и плача, и смѣясь.

Мечта Уайльда о торжествѣ безплодныхъ эмоцій надъ практицизмомъ, творческой лжи надъ будничной правдой дѣйствительности нашла себѣ воплощеніе въ сладостной и пламенной легендѣ бездомнаго художника, бѣжавшаго отъ городской культуры въ дебри варварской природы острова Таити...

„Сквозь Мечту“—такъ назвалъ Поль Гогэнъ, этотъ взыскательный и непримиримый фантазеръ, первую главу своей книги.

Сквозь Мечту!...

Но неужто же путь мечтательства, очарованныхъ скитаній и прихотливо фантастическихъ странствій, неужто же путь этотъ лежитъ тамъ, вдали, черезъ океанійскія острова,—лежитъ не примиреннымъ съ гороною Европой?

Неужто же дѣйствительно въ городѣ не стало больше цвѣтовъ?

Неужто въ моторномъ канканѣ улицы, среди конторъ, казармъ, кабаковъ, больницъ и тюремъ смолкли весенніе шелесты звонкопоющихъ душъ и Прекрасная Дама, лунная греза поэта, растоптана на панеляхъ городской проституткой?

И кто же правъ изъ нихъ—художникъ ли варваръ, думавшій оставить на берегахъ Европы свою заледенѣлую въ лучахъ электрическаго солнца душу и въ фанатизмъ своемъ бросившійся на путь далекихъ исканій будто бы потерянной нами тайны творческой лжи, или художникъ дэнди, пустившій своего фанатика красоты въ туманы лондонскихъ улицъ?...

О, вы помните, еще такъ недавно бродилъ мечтатель по аллеямъ старыхъ барскихъ усадебъ, желтѣющимъ осенней позолотой,—и не правда ли царствомъ его было царство природы? И вотъ пришла эта шумно-блистательная городская культура, въ стальной паутинѣ которой забила недавно еще стихійная душа міра; что же стало тогда съ мечтателемъ?

Онъ тоже перекочевалъ въ городъ, и какъ странно было мечтателю въ городѣ. Вѣдь онъ

такъ привыкъ запрокидывать свои глаза въ голубизну небесъ и въ своей поэтической наивности искалъ Прекрасную Даму въ густолиственныхъ чащахъ лѣсовъ и на берегахъ спокойно-ласковыхъ рѣкъ. И вдругъ—сдавленность городскихъ стѣнъ, судорожная поспѣшность, истерическая дѣловитость улицы.

А вотъ мечтатель Достоевскаго однимъ изъ первыхъ почувствовалъ себя какъ нельзя лучше въ городѣ;—онъ завязалъ какую то необъяснимую дружбу съ дѣловито-бѣгущей улицей, онъ вступилъ въ таинственное общеніе съ каменными мѣшками домовъ. Онъ позналъ поэзію неприступныхъ угловъ, мансардъ, гдѣ обиталъ,—угловъ, оторванныхъ отъ міра, которые таятся отъ дневного свѣта и не знаютъ солнечныхъ лучей. Еще немного, и городской мечтатель какъ улитка приростетъ къ городу, впитаетъ въ себя ядъ его, городъ сдѣлаетъ столицей своей и не промѣняетъ ее на все великолѣпіе царства природы.

Вотъ спускается онъ въ закоптѣлые угарные подвалы городскихъ кабаковъ и здѣсь подъ пьяные вульгарные звуки коверкливыхъ органовъ ищетъ уюта среди другихъ отверженцевъ улицы. И въ такую то обстановку попадаетъ мечтатель и не попадаетъ, а самъ идетъ, идетъ по собственному желанію, влекомый къ дверямъ этого кабака — кѣмъ? — Прекрасной Дамой, грезой поэта.

Помните какъ у Блока въ „Незнакомкѣ“ поэтъ тоскуетъ въ пьяномъ угарѣ: „Вы послушайте только. Бродить по улицамъ, ловить отрывки незнакомыхъ словъ. Потомъ прійти вотъ сюда и рассказать свою душу подставному лицу.

И среди огня взоровъ... возникнетъ внезапно, какъ бы расцвѣтетъ подъ голубымъ снѣгомъ—одно лицо: единственно прекрасный ликъ Незнакомки“.

И медленно пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями
И въ кольцахъ узкая рука.

И свою „Незнакомку“ Блокъ приводитъ куда же?—да въ городскую квартиру, быть можетъ даже въ одинъ изъ этажей городского небоскреба.

Звѣздная странница по путямъ жизни, о которой тосковалъ мечтатель всѣхъ вѣковъ, идетъ въ большую гостинную комнату, ну, конечно же ярко освѣщенную электрическими лампами и конечно въ общество молодыхъ людей въ безукоризненныхъ смокингахъ, какъ гласитъ ремарка Блоквской пьесы.

Но вѣдь это все та же лѣсная фея, призывная спящая царевна; развѣ не ее прозрѣлъ Поль

Гогэнъ въ богинѣ-дикаркѣ съ острова Таити, и развѣ не къ ней, „къ вѣчно безымянной, странно такъ желанной, той кого не знаю и узнать не радъ“,—стремится самый современнѣйшій изъ современныхъ поэтовъ Игорь Сѣверянинъ?

— Мечтатель сегодняшняго дня идетъ по путямъ новой фантастики и новыхъ странствованій.

Маринетти, такъ прекрасно понявшій душу городской культуры, презрительно отмахнулся отъ всего не городского, отъ всего того, что лежитъ за городскими шлагбаумами. Но Маринетти отдалъ искусство въ услуженіе современной культурѣ; онъ слишкомъ прозаикъ и потому то забылъ о таинственныхъ общеніяхъ души поэта съ душою міра, забылъ о томъ, что мечтатель, прогуливаясь теперь по тротуарамъ города трепетъ свой несетъ все туда же—въ хрустальные замки творческой фантазіи...

И конечно, не съ маринеттизмомъ, а съ истиннымъ футуризмомъ идетъ восторженная и громоносная юность, идетъ среди болотныхъ огней повседневности, великая въ буйствѣ съ пламенными словами заклинаній:

И потрясающихъ утопій

Мы ждемъ, какъ розовыхъ слоновъ!..

„Гнила культура, какъ рокфоръ“...—говоритъ Сѣверянинъ, а тамъ вдали лучится палевое царство грезъ, но современный мечтатель не занавѣшиваетъ окна своей комнаты отъ уличныхъ фонарей, не заглушаетъ шума улицы, не зажигаетъ сальную свѣчку въ сантиментальномъ испугѣ.

Черезъ современность долженъ пронести онъ свою мечту и сквозь мечту долженъ созерцать современность.

Мечтатель Блока спустился въ угарный уличный кабачекъ, современный же мечтатель тоскуетъ въ шантанѣ:

Шампанскаго въ лилію! Шампанскаго въ лилію!...

И если Блоквскій поэтъ держалъ за рукавъ полового изъ кабака въ надеждѣ, что хоть этотъ прикинется къ причудливымъ словамъ поэта о легковѣйной пляскѣ вечерне-синяго снѣга, то не Сѣверянинскій ли мечтатель изнываетъ предъ нагло-накрашенной кокоткой Зизи.

Блѣдный сумеречный силуэтъ Незнакомки расцвѣчивается у Сѣверянина яркостью красокъ въ двуликомъ образѣ Прекрасной Дамы сегодняшняго дня. И зовутъ эту Прекрасную Даму: Демимонденкой и Лѣсофеей. Это она проходитъ въ шумномъ платьѣ муаровомъ, это она несетъ на ландолетѣ по островамъ къ зеленому пуанто. И ей поетъ свою пѣсню двуликій поэтъ—наивный мечтатель во образѣ столичнаго дэнди.

И пѣсню пѣнная фантазмами шампанскаго—во имя той, которая въ шумномъ платьѣ муа-

ровомъ смѣняется другой пѣснью, пахнувшей лугами и травами, во славу Лѣсофеи. И съ грѣшно-алыхъ губъ поэта упадаютъ нѣжныя и молитвенныя слова.

Царство холодныхъ лученій и зеркальныхъ отраженностей, царство парфюмеріи и судорогъ городскихъ масокъ и поэзія, впитавшая въ себя мотивъ шантаннаго напѣва, ароматная утонченнымъ запахомъ модныхъ духовъ, пряная, какъ ликеръ Crème de Violette. А за всѣмъ этимъ блѣдное молитвенное лицо:

Зизи, Зизи! Тебѣ себя не жаль?
Не жаль себя бутончатой и кроткой?
Иль можетъ быть цѣла души скрижалъ
И лилія не можетъ быть кокоткой?...

Грядетъ механизированный человѣкъ, грядетъ бездушное машинное царство, котораго такъ алчеть современность. Но мечтателю нечего становится по рецепту маринеттизма приспѣшникомъ этого царства, точно такъ же какъ нечего бросаться подъ колеса чудовищной машины технической культуры, дабы задержать ея всепобѣдное шествіе.

Жива Прекрасная Дама! Живъ мечтатель! И есть магическія слова, преображающія тусклый прозаизмъ будней въ царство безразумныхъ чудесъ, и

Въ будуарѣ тоскующей нарумяненной Нелли,
Гдѣ подъ пудрой молитвенникъ, а на ней
Поль де Кокъ,

есть еще, значить, молитвенникъ...

И въ безсвѣтности потерявшихъ грани дней и ночей города пишется новое Евангеліе современнаго мечтательства.

Викторъ Ховинъ.

„МОГИЛОМАНЫ“.

Когда жизнь, необъятную и трепетную, неуловимую и колоритную, пытаются очертить опредѣленными границами, свести къ опредѣленному шаблону, къ опредѣленной системѣ и тональности—становится обидно.

Даже не зависимо отъ того кто пытается.

Старые ли, „заслуженные“ профессора, эти искушенные церберы традицій, или молодые „желтороты“ неистовики, давшіе себѣ, казалось бы, безграничную волю.

Всѣ робкіе, всѣ маленькіе, всѣ кто теряется предъ огромнымъ непостижимымъ—всѣ накидываютъ на жизнь петли свѣихъ будто бы общихъ законовъ.

Одни говорятъ о необходимости „новой церкви“, „новаго религіознаго прозрѣнія“, о „завивахъ историческихъ петель“, о „душѣ, которую надо погубить“, о „правѣ на чистоту“, о дьявольски соблазнительной „Сциллѣ и Ха-

рибдѣ“. Другіе объ „апофеозѣ босячества“, о декадентствѣ, о символизмѣ, о половой проблемѣ, о „вычурѣ и ломаньи всякаго рода“, о „смѣхотворномъ“, „экстравагантномъ“, эго-футуризмѣ, о „завершеніи“ какого то „цикла“, о „возвратѣ къ старому“, о „завѣтахъ великаго прошлаго“, о „великой простотѣ русскаго реализма“, объ „историческомъ процессѣ“...

Съ одной стороны Мережковскій, Туганъ-Барановскій, Гиппиусъ, Философовъ, Карташевъ, Мейеръ—религіозники; съ другой: Венгеровъ, Аничковъ, Батюшковъ, Коробка, Коганъ, Львовъ-Рогачевскій,—критики.

У однихъ нѣтъ жизни, разъ есть смерть рядомъ, разъ нельзя сохранить всю прелесть и всю радость бытія каждодневнога; у другихъ нѣтъ жизни, нѣтъ возрастанія ея, разъ „засоряются“ пути реальнаго, пути „свихнувшіеся“ съ историческаго процесса, пути разъ навсегда указанные.

Одни запуганы религіознымъ мракобѣсіемъ, съ одной стороны, съ другой возрастающимъ безбожіемъ, другіе—кажущимся упадничествомъ и кажущимся революціонизмомъ.

И тѣ и другіе изъ жизни, безмѣрной и солнечной,—понадѣлали лужъ, маленькыхъ и мутныхъ, покрытыхъ плѣсенью и соромъ, отъ которыхъ, вмѣсто голосовъ жизни, идутъ голоса гніенія и смерти.

И тѣхъ и другихъ зачаровали могилы и только чудо могло бы заставить ихъ шире раскрыть глаза, взглянуть прямо и безбоязненно въ лицо живой жизни и тѣмъ самымъ разрушить цѣпи, привязывающія ихъ къ старому.

Но чтобы увидѣть чудо, надо въ него повѣрить. Повѣривъ—надо многое допустить, многое сбросить, разъ навсегда покончить съ „переоцѣнками всѣхъ цѣнностей“, а главное допустить самое ненавистное, самое неприемлемое: индивидуальность.

Съ допущеніемъ индивидуальности, надо заново оцѣнить и полюбить міръ, проститься со всѣми ограничивающими ея, такъ долго стерегущими теоріями, на недостижимо влекущую высоту возвести человѣка.

Религіозникамъ надо допустить стучающую въ нихъ правду: „все въ человѣкѣ—все изъ человѣка“ и „Царствіе Божіе внутри васъ“... Присяжнымъ историкамъ литературы, критикамъ—разъ навсегда позабыть о границахъ въ творествѣ правды и вымысла, о границахъ между преемственностью и самостоятельностью, наконецъ позабыть какъ дурную привычку, дѣленіе на ничего не говорящія, никого не убѣждающія литературныя школы.

И тѣмъ и другимъ надо имѣть мужество предославить творческому Я свободно выливаться въ возможныя для него формы, не поднимая при этомъ историческихъ воплей о безбожьи, о распущенности нравовъ, о кривляньи и мод-

ничаньи. И тѣмъ и другимъ надо имѣть мужество не клеветать на жизнь, не уводить ее въ закоулки, и могиломанію свою не выдавать за солнечность, за правду, за единое на потребу...

„Античное“—Мережковскаго, такъ и останется античностью, прошлымъ, вошедшимъ въ жизнь и уже исчерпаннымъ жизнью.

„Завѣты великаго прошлаго“ Венгерова и иже съ нимъ, постигла та же участь.

О „возвратѣ къ нимъ“... менѣе всего приходится говорить.

Какъ жизнь, такъ и искусство идутъ всегда къ новому. И всегда буйно, красочно, всегда съ выростами въ нихъ отдѣльныхъ теченій, дѣланій, дерзаній.

Мережковскій, на примѣръ, можетъ переживать завѣты Бѣлинскаго, уходить въ нихъ, смаковать ихъ, религіозно расти, а кто нибудь не менѣе „прогрессивный“ чѣмъ Мережковскій, пройдетъ мимо Неистоваго Виссаріона, какъ и мимо самаго Мережковскаго. Развѣ только съ нѣкоторой досадой.

Завѣты Бѣлинскаго—старь. Новое стремится къ тому, чтобы не ставить рогатокъ на пути развитія и на пути самости, какъ это продѣлывалъ иногда Бѣлинскій даже съ Достоевскимъ, и продѣлывалъ съ сознаниемъ долга, святости, чистоты. За это и заслужилъ названіе „Неистоваго“...

Завѣты?...

Знать, чувствовать, широко раскрытыми очами заглядывать и въ прошлое, и въ будущее, но идти по своей дорогѣ, къ свей цѣли, безъ поводыря и безъ указующей руки истлѣвшаго времени, это значитъ творчески и радостно подойти къ настоящему. Это значитъ быть готовымъ впитать все, изъ всего выявить самое сокровенное, замѣтить и вобрать въ себя и незамѣтно малую, едва видимую придорожную травку, и безграничные, невѣроятно далекіе млечные пути, съ новыми, недоступными для насъ мірами. Но не только вобрать и выявить. Это значитъ также быть готовымъ и къ тому, чтобы все взятое претворить въ кровь и плоть, сдѣлать своимъ неотъемлемымъ—создать изъ этого свою волю, свои проявленія, свои обманно-сладостные міры, или свои реально близкія достиженія...

Когда я сижу и слушаю религіозниковъ на собраніи ихъ Общества, или когда я читаю критическія статьи толстыхъ журналовъ, однообразныя и блѣдныя, или просматриваю выходящую теперь „Русскую Литературу XX вѣка“, издающуюся подъ редакціей проф. Венгерова—становится обидно какъ то. Будто присутствую при напрасномъ, ненужномъ анатомированіи самаго дорогаго мнѣ существа. Будто захлестываетъ меня какое то сѣрое, будничное безразличіе.

О чемъ они?

И гдѣ они, что не видятъ и не слышатъ ни красокъ жизни, ни ея зововъ?..

Ни весны, ни лѣта, ни осени золотой, ни бѣлоснѣжныхъ зимъ?..

И развѣ не слышатъ они музыку звѣздъ, бѣгъ вѣтра, прелесть сумерекъ и неотразимость зорь?..

Развѣ не чувствуютъ рядомъ съ собою вселенной? Искомаго Бога? Неумирающей красоты, не бывшей и будущей, а настоящей?..

И развѣ наконецъ не знаютъ, что всѣ боли, всѣ тяготы жизни дѣло ихъ рукъ, дѣло ихъ злостно направленной воли, и что въ ихъ же волѣ возстановить жизнь, сдѣлать ее для себя такою, какая она и есть по существу своему: чистой и ясной, умудренно-сложной, умудренно-расточительной?..

О чемъ они?..

— Могиломаны...

Павель Вольнинъ.

1 Марта 1915 г.

ВЕСЕННЯЯ ПРОТАЛИНА.

Весело журчатъ струйки, сбѣгая по водосточнымъ трубамъ на панель.

Весело бѣгутъ по весенне-прозрачному, голубому небу бѣлые барашки.

Весело набѣгаютъ и уходятъ мысли и воспоминанія объ отходящемъ „сезонѣ“...

Въ самомъ началѣ войны мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такого анекдота. За вечернимъ чаемъ у знакомыхъ завязался оживленный споръ на военныя темы, споръ, прерванный дѣтскимъ плачемъ: подъ шумокъ дѣти поссорились изъ-за пирожнаго. Бонна, оторванная отъ увлекавшаго ее спора, закричала:

— „Какъ вы смѣете въ такое время спорить изъ-за пирожнаго?!“

Растерявшіяся дѣти замолкли и забыли о пирожномъ; споръ продолжался.

Не разъ потомъ вспоминалъ я бонну и дѣтокъ.

Вотъ г. Мережковскій, отливая въ своей религіозно-философской типографіи стереотипъ русскаго интеллигента, начинаетъ свою лекцію словами: „Въ такое время“ и т. д.

Г. Бѣляевъ (Юрій изъ „Новаго и Вечерняго Времени“) ругаетъ выставку „Міръ Искусства“. Что за безвкусица, что за подборъ картинъ, а главное... на гербѣ выставки изображенъ германскій орелъ. Помилуйте, что это за выставка?

Вотъ г. Любитель въ „Биржевой“ разнесъ ту-же выставку очевидно за то, что „отражаетъ современность „Міръ Искусства“ безъ сомнѣнія считаетъ дурнымъ тономъ“. Умолчавъ о луч-

ших картинахъ, разругавъ нѣкоторыя изъ нихъ, г. Любитель похвалилъ Добужинскаго за его рисунки на военныя темы (кстати сказать, безвкусные и блѣдные, не въ примѣръ его же талантливымъ эскизамъ къ „Бѣсамъ“).

А вотъ г-жа Любовь Гуревичъ („Сѣверныя записки“—декабрь) не прочь вообще „забрать всѣ книги бы, да сжечь“ по случаю „такого времени“.

Я могъ бы еще припомнить г. Измайлова съ его рецензійей о „Стрѣльцѣ“ и еще и еще... Но довольно о „боннахъ“.

Въ положеніи „дѣтокъ“ очутились всѣ наши писатели, художники и артисты. Бѣдные, какъ они растерялись подъ окрикомъ „бонны“. Нѣкоторые — до того, что совершенно лишились языка. Другіе, обладающіе бѣльшимъ даромъ приспособляемости, забарабанили военными стихами, пьесами, статьями...

Совершенно растерялся театр—драматическіе артисты стали сочинять пьесы, опереточные ихъ разыгрывать. Пользуясь тѣмъ, что драматурги заняты военными темами, сотрудницы „Солнца Россіи“ начали писать „психологическія“ пьесы, а Александринскій театръ увлекся ихъ постановкой. Не играть же „Маскарадъ“ Лермонтова *въ такое время!*

Правда раздавались одинокіе голоса въ защиту искусства. Такимъ голосомъ была статья Александра Бенуа въ „Рѣчи“.

Правда и въ театрѣ не всѣ растерялись. Кое-гдѣ „молились своимъ богамъ“, несмотря на окрики „бонны“. Я говорю о студіи Всев. Эм. Мейерхольда. Еще такъ недавно прозвучали тонкіе голосочки веселыхъ бубенцовъ Арлекина, раздались „шутки, приличествующія театру“ и ослѣпительно сверкнули блески настоящаго театральнаго дѣйства... И только...

Но все же... весело играетъ солнышко въ весеннихъ проталинахъ и журчатъ задорныя струйки.

Весело бѣгутъ по весенне-прозрачному, ясному небу бѣлые барашки.

Весело, потому что живо искусство, и тѣ, кто истинно болѣютъ его горемъ и живутъ его радостью не испугаются грознаго окрика „бонны“.

Борисъ Гусманъ.

13 марта 1915 г.

БЕЗОТВѢТНЫЕ ВОПРОСЫ.

IV.

Вы помните, конечно, газетныя замѣтки о предполагаемомъ появленіи въ свѣтъ сборника „Стрѣлецъ“?

Вы помните, ибо какъ же не запомнить такія лукавыя, такія нарочито скромныя и застѣнчивыя замѣтки.

Впрочемъ, зачѣмъ же имъ было быть нескромными, нужна ли была шумная реклама, когда весь смыслъ, вся значительность „Стрѣльца“ и заключается въ его милой недоговоренности, въ немножко стыдливой и чуть чуть таинственной застѣнчивости...

Блокъ и Бурлюкъ, Сологубъ и Крученыхъ, Кузьминъ и Маяковскій, З. Венгерова и Хлѣбниковъ...

Вы ждете конечно редакціонныхъ статей, предисловія, оговорокъ, вы ждете ихъ, потому что помните, великолѣпно помните непримиримость и враждебность тѣхъ, кто такъ неожиданно объединился въ первомъ сборникѣ „Стрѣльца“. Но быть можетъ вся интригующая прелесть сборника, его, какъ бы, случайная и невинная рекламность и заключается въ томъ, что нѣтъ въ немъ никакихъ оговорокъ и никакихъ предисловія.

Блокъ и Бурлюкъ, Сологубъ и Крученыхъ—рябитъ передъ глазами читателя. Однако не подумайте, что дѣло все и заключается въ сопоставленіи этихъ доселѣ еще несопоставляемыхъ именъ, не подумайте, что скорбимъ мы надъ „свихнувшимися“ символистами, или стыдимся успокоенія недавно не примиримыхъ еще новаторовъ. Не смущаетъ насъ также и отсутствіе въ сборникѣ „внутренняго единства“ и невозможность „критическихъ обобщеній“, этого общаго мѣста, столь излюбленнаго господствующей критикой.

Не одинокій ли „Очарованный Странникъ“ втеченіе цѣлаго года боролся съ литературной кружковщиной, не онъ ли боролся съ догматическимъ символизмомъ и фанатичной доктринерской узостью „самыхъ лѣвыхъ въ искусствѣ“ съ ихъ надоѣдливой и лѣзущей въ глаза лѣвизной, лѣвизной во чтобы то ни стало?

Но разъ такъ, то быть можетъ „Стрѣлецъ“ и есть тотъ радостный кличъ внѣшкольнаго искусства, искусства, лежащаго за гранями кружковщины и партійной борьбы, котораго такъ долго ждалъ „Очарованный Странникъ“? Такъ, быть можетъ, „Стрѣльцомъ“ одни принесли въ жертву искусству и популярности свою, и уравновѣшенность свою, и претензіи на всеобщее признаніе, а другіе—весьма импонирующую позу непримиримаго новаторства и буйства?

Или „Стрѣлецъ“ это—только публичная женщина, одѣтая „подъ гимназистку“, тротуарная проститутка, пытающаяся сойти за „незнакомку“?..

Дѣйствительно ли это—жертвенность или только новая страничка въ жизни „молодящихся старичковъ“—съ одной стороны, съ другой—„последній“ трюкъ исчерпавшихъ себя эксцентриковъ?

И наконецъ почему, а это и есть самое главное, почему этотъ сборникъ такъ потря-

сающе бездаренъ, такъ элементарно не художественъ? Вѣдь, если исключить переводное и звенящую бубенцами театральности статью Евреина, то вѣдь и говорить не о чемъ.

И только совсѣмъ неожиданно становится значительнымъ и символичнымъ стихотвореніе Блока, въ которомъ такъ мало Блоковского; но за то—какая необычная для этого поэта улыбка на губахъ его, улыбка хихикающаго безвѣрія, сколько плоскихъ натуралистическихъ вывиховъ, сколько трагической, но „улыбчато“ переживаемой душевной пустоты.

„Отмѣннымъ порядкомъ“ этого міра рожденъ былъ „Стрѣлецъ“ и объ этомъ отмѣнномъ порядкѣ повѣствуетъ намъ Блокъ:

Жизнь проходила какъ всегда:
Въ сумашествіи тихомъ.
Всѣ говорили кругомъ
О болѣзняхъ, врачахъ и лѣкарствахъ,
О службѣ рассказывалъ другъ,
Другой о Христѣ.
О газетахъ—четвертый.
Хлѣбниковъ и Маяковский
Повысили цѣны на книги
(Такъ что прикащикъ у Вольфа
Не могъ ихъ продать безъ улыбки)

.....
Все было въ отмѣнномъ порядкѣ.

Однако не продолжаетъ ли и теперь улыбаться вольфовскій прикащикъ и не думаетъ ли онъ свою отмѣнно гостинодворскую думу, о ходкомъ товарѣ: кто же—этотъ ходкій товаръ?—именитый ли символизмъ или кубисты?—Кто кому подсобить?

И возникаетъ безотвѣтный ли только вопросъ: что такое „Стрѣлецъ“—большое литературное явленіе или только... небольшая литературная авантюра?..

V.

Когда „послѣ лѣтнихъ каникулъ“ въ періодъ всеобщей безголосицы русскаго искусства, вышелъ 5-ый выпускъ „Очарованнаго Странника“, критика (будемъ правдивы—очень не многочисленная) встрѣтила насъ весьма сдержаннымъ и весьма не любезнымъ привѣтствіемъ.—Живъ Курилка,—писала она.

Да, живъ Курилка! Живъ наперекоръ всяческимъ враждебнымъ стихіямъ, владичествующимъ надъ сегодняшнимъ днемъ русской литературы.

Живъ и мы знаемъ, доподлинно знаемъ, что живъ къ неудовольствію многихъ...

Вы хотите уязвить насъ тѣмъ, что „Очарованный Странникъ“ остался внѣ лона „большой литературы“, что его просто на просто не замѣтили,—обошли обиднымъ молчаніемъ?

Да, вы правы, насъ *хотѣли* не замѣтить; одинокіе приверженцы радовались вмѣстѣ съ

нами нашей жизни;—нѣсколько ругателей не выдержало и выругалось...

А тамъ гдѣ то шла своимъ чередомъ „большая литературная жизнь“, дѣлились на кружки, объединялись вокругъ „пятикопѣчныхъ журналовъ съ иллюстраціями“ и здѣсь фабриковали „ходкій товаръ“, внѣдря въ головы обывателей скрижали своихъ литературныхъ программъ. Одни черезъ авантюру шли къ популярности, ибо авантюра всегда матеріалъ для хлесткаго фельетона, а хлесткій фельетонъ—ближайшій путь къ популярности.

Другіе, встревоженные шатаніями своей славы занялись созданіемъ себѣ нерукотворныхъ памятниковъ, а потомъ обезпокоенные успѣхами авантюризма сами пустились по путямъ послѣдняго.

Въ результатѣ же „Стрѣлецъ“—...Кто къ кому постучался неизвѣстно? То ли старички къ молодежи, то ли молодежь къ старичкамъ? А быть можетъ и на узловой станціи какой повстрѣчались?..

Но въ конечномъ то счетѣ къ вамъ, къ большой то литературѣ, въ оппозиціи оказался единственный или почти что единственный „Очарованный Странникъ“...

Сидите-ли вы въ „Голосахъ жизни“, или въ „Отечествахъ“, печтаетесь ли въ „Дохлой Лунѣ“ или объединяетесь въ „Стрѣльцѣ“, изъ утверждающихъ ли вы религіозную общественность или символическія міропониманія, гордые своими скрижалями растериваете ли вы ихъ въ погонѣ за голосами жизни или пребываете въ своей ограниченности, но только почему же вы такъ похожи другъ на друга, почему вы въ такой объединенной оппозиціи къ „Очарованному Страннику“ или вѣрнѣе послѣдній въ такой ярой оппозиціи къ вамъ, объединеннымъ въ единомъ ликѣ „большой литературы“?

Не о васъ ли повѣствуетъ А. Блокъ въ своемъ схематическомъ и такъ широко захватывающемъ рисункѣ, когда говоритъ о сумашествіи тихомъ жизни проходящей?

Но онъ повѣствуетъ еще о комъ то другомъ:

Онъ съ вечера крѣпко уснулъ
И проснулся въ другой странѣ,
Ни холодъ утра,
Ни слова друга,
Ни дамскія розы,
Ни манифестъ футуриста,
Ни стихи пушкинѣнца,
Ни лай собачій,
Ни грохотъ телѣжный,—
Ничто, ничто

Въ міръ возвратить не могло...

И, вѣдь это будетъ не слишкомъ смѣло, если сознаемся мы въ приверженности этому „милому дальнему міру“, въ которомъ не всегда такой же, какъ въ нашемъ мірѣ „отмѣнный порядокъ“?..

Списокъ новыхъ книгъ,

поступившихъ въ редакцію:

- Игорь Сѣверянинъ.** Ананасы въ шампанскомъ.
И-во „Наши Дни.“ М. Ц. 1 р. 25 к.
- Сергѣй Бобровъ.** Русская поэзія въ 1914 году.
Изъ ж-ла „Современникъ“ № 1—1915 г.
- Федоръ Платовъ.** Блаженны нищіе духомъ. Семьдесятъ стиховъ. И-во „Центрифуга“. Ц. 50 к.
- Александръ Корона.** „Лампа Аладина“. И-во „Поэзія“. Ц. 1 р. 25 к.
- Русская Литература XX вѣка.** Выпускъ 3-ій.
И-во т-ва „Міръ“.
- „Любовь къ тремъ апельсинамъ“. Журналъ
доктора Дапертутто. Вып. IV-V, VI-VII. Ц. 75 к.
- „Сѣверныя Записки“. №№ I, II—1915 г. Ц.
60 коп.

Из-во „Очарованный Странникъ“ открываетъ въ сентябрѣ 15-го года на берегахъ Невы богемскій кабачекъ. Съ мая из-во приступаетъ къ предварительнымъ работамъ по его организаціи. Помимо обычныхъ вечеровъ предполагается устройство диспутовъ и докладовъ, а также большій изъ подваловъ кабачка будетъ приспособленъ къ небольшимъ театральнымъ постановкамъ. Запросы по поводу организаціи кабачка направлять въ из-во „Очарованный Странникъ“ на имя Ольги Вороновской.

Из-во эго-футуристовъ

„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Содержаніе предыдущихъ выпусковъ:

6-го (зимняго):

Игорь Сѣверянинъ.—Стихи въ ненастный день (III—VI). М. Нозыревъ.—Мальчикъ съ картинками (поэза). Викторъ Ховинъ.—Футуризмъ и война.—Безответные вопросы. Цѣна 25 коп.

5-го (осенняго):

Игорь Сѣверянинъ.—Стихи въ ненастный день (I и II). Д. Крючковъ.—Газетнымъ поэтамъ, Любите поэтовъ, любите (поэзы). Викторъ Ховинъ.—Елена Гуро.—„Людямъ изъ биржевокъ“ Изданіе 2-е (1-е распродано). Ц. 25 коп.

4-го:

СТИХИ: Игоря Сѣверянина, Дмитрія Крюčkова, Рюрика Ивнева и М. Струве. СТАТЬИ: Нелейника, Виктора Ховина, Свѣнльда, и С. Вермеля. (Распроданъ).

3-го:

СТИХИ: З. Гиппиусъ, Игоря Сѣверянина, Рюрика Ивнева, Дмитрія Крюčkова, Вадима Шершеневича, М. Струве и кн. Шахназаровой. СТАТЬИ: Виктора Ховина, Дмитрія Крюčkова, и др. (Распроданъ).

2-го:

СТИХИ: Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Дмитрія Крюčkова и В. Солнцевой. СТАТЬИ: Виктора Ховина, Д. Крюčkова, А. Чеботаревской, М. Бабенчикова, и Гаэтана. (Распроданъ).

1-го:

Викторъ Ховинъ, Д. Крючковъ, Нелейникъ, П. О., Вѣхинъ и др. (Распроданъ).

Цѣна 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда и въ книжн. маг. Вольфа, „Образованіе“ и Карбасникова въ Москвѣ.

Адресъ издательства: Невскій пр., д. 160, кв 2. Тел. 45—90. В. Р. ХОВИНЪ.

Любовь къ тремъ апельсинамъ.

Журналъ доктора Дапертутто.

Вышла книга 6-7.

Въ книгѣ: Влад. Княжнинъ. Стихи о Петроградѣ.—Ю. Бонди, Вс. Мейерхольдъ, Вл. Соловьевъ. Огонь (пьеса).—Графъ Карло Гоцци. Чистосердечное разсужденіе и т. д. (продолженіе)—Базиліо Локателло. Игра въ приму.—Вл. Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники *commedia dell' arte*—VI—VII.—К. А. Вогакъ. О книгѣ Г. Н. Лукомскаго—„Старинные театры“.—А. М. Брянскій. Русскій Арлекинъ.—Московскіе театры.—Студія.—Хроника.

Обложка художника Ю. Бонди.

Цѣна двойной книги 75 коп.

Новый адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, 5-я рота, д. 28, кв. 8. Тел. 532-88.

Редакторъ-издатель Вс. Мейерхольдъ.

ЦЕНТРИФУГА, книгоиздательство

Б. Никитская, 22, 43.

Москва.

Печатается, и въ апрѣлѣ 1915 г. поступить въ продажу второй сборникъ ЦЕНТРИФУГИ.

Во второмъ сборникѣ ЦЕНТРИФУГИ будутъ напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи: БОРИСЪ ПАСТЕРНАКЪ, О черномъ бокалѣ.—РТУХ, Бѣлинскій и Айхенвальдъ,—СЕРГѢЙ БОБРОВЪ, Философскій камень фантаста,—БОЖИДАРЪ, Метафорическій садъ,—Ө. ПЛАТОВЪ, Гамма гласныхъ,—Э. П. БИКЪ, Два слова о формѣ и содержаніи,—СЕРГѢЙ БОБРОВЪ, Академическое изданіе Баратынскаго,—Ц. ф. Г., Книжныя новости,—и мн. др.—Стихи: П. Широкова, Маръ Іолэна, Бориса Пастернака, Рюрика Ивнева, М. Кювилье, Константина Олимпова, Сергѣя Боброва, Ө. Платова, Б. Кушнера, А. Штиха, М. Струве и др.

Сергѣй Бобровъ. Лирическая Тема. XVIII экскурсовъ въ ея области, съ предисловіемъ и примѣчаніями автора.—Стр. 32. М. 1914. Ц. 50 к.

Руконогъ, сборникъ стиховъ и критики. Бобровъ—Божидаръ—Гнѣдовъ—Ивневъ—Игнатъевъ—Іолэнь—Крючковъ—Кузьмина-Караваева—Пастернакъ—Широковъ.—Стр. 46, М. 1914. Ц. 50 к.

Өедоръ Платовъ. „Блаженны нищіе духомъ“, семьдесятъ стиховъ.—Стр. 16. М. 1915. Ц. 50 к.

Сергѣй Бобровъ. Лира Лиръ. Вторая книга стиховъ. (Готовится).

Рюрикъ Ивневъ. Самосожженіе. Листы 3 и 4. (Готовится).

Өедоръ Платовъ. Сборникъ стиховъ. (Готовится).

Письма и заказы просятъ направлять: Москва, Б. Никитская, 22, 43, С. П. Боброву.

К-во ЦЕНТРИФУГА высылаетъ по требованію всѣ изданія к-ва „Лирика“.

Сергій Павловичъ Бобровъ

Оук-69273

Гѣна двадцать пять копѣекъ.